

В МИРЕ ИСКУССТВА

«СМЕЯСЬ, ИСПРАВЛЯТЬ НРАВЫ»

ДИАЛОГ АКТЕРА И РЕЖИССЕРА

«Театром Райкина» называют Государственный театр миниатюр: им руководит знаменитый артист, «человек с тысячей лиц» — народный артист СССР Аркадий Райкин.

Недавно эта фамилия появилась на афише нового спектакля — «Импровизация в двух частях. Лица». Но... Аркадий Райкин в нем не участвует. «Лица» — первая самостоятельная работа младшего представителя актерской династии — Константина Райкина и известного театрального режиссера Валерия Фокина.

Два зрелых серьезных человека, имея устойчивое положение в театре, бросаются в зыбкое море эстрады. Что побудило их сделать такой выбор?

Фокин: Меня твое решение, Костя, не удивило. Я понял, что ты хочешь поправить силы на «новой территории». И я обрадовался, когда ты предложил мне поставить первый спектакль в Театре миниатюр с твоим участием.

Эстрада, в сущности, тот же драматический театр, только другая его грань, иная форма. Актеры напрямую обращаются к зрителям, и они становятся партнерами, соучастниками действия. Эстрада разрешает импровизацию, смешение жанров и стилей — уже есть опыты создания драматического и даже трагического представления.

Райкин: Однако тебя, привыкшего к добротной драматургии, сначала насторожило отсутствие логически связанного сюжета в пьесе Михаила Мишина «Лица». Ты был прямо-таки наугад группой молодых актеров, пришедших в труппу с институтской скамьи, их неопытность, «зеленость».

Фокин: Но у ребят было большое достоинство: они жаждали дела, ими двигали энтузиазм, желание, азарт. В итоге создался ансамбль, без которого немислмы театр. Я не признаю «звездного солирования» — спена интересна «командой» единомышленников. Даже ты, хотя и ведешь несколько центральных интермедий, не один, а «один из...»

Райкин: И слава богу! У меня, пожалуй, самое сложное положение. Я ношу фамилию, на которую еще не имею права, просто она мне досталась от рождения. И она ко многому обязывает. Считают, сын Аркадия Райкина застрахован от ошибок, без конца сравнивают с отцом, а мое спасение — в непохожести. Всю сознательную жизнь учусь у отца трудолюбию, естественности игры, мастерству трансформации. Я не копирую его манеру, она принадлежит Аркадию Райкину, ему одному. И потому мне не грозит болезнь зазнайства... Посмотрю на отца и вижу: мне надо работать, работать и еще раз работать. Пока я это осознаю, буду расти. В

искусстве нельзя пытаться встать ровень с кем-то, надо стараться быть лучше самого себя. Тогда, может быть, станешь лучше других. Эту, казалось бы, простую истину мне помог понять отец.

Фокин: Не только тебе — всем нам. Как художественный руководитель театра он многое сделал для нас: принял в труппу дебютантов, еще не зная, на что они способны, дал возможность год (!) работать над спектаклем, в котором не участвовал; не вмешивался в ход репетиций, хотя рисковал, понимая, что мы экспериментируем. Его помощь была ненавязчивой, советы деликатными.

Райкин: Да, в жизни он — мягкий, интеллигентный. А на сцене — беспощаден, осмеивая жуликов, хапуг, взяточников. Сатира, бичуя мерзкое, отвратительное, одновременно вытаскивает из нас хорошее, совершенствуя нравы, характеры, обычаи. Сатира — не судья, не прокурор, у нее свой кодекс чести, свои критерии.

Фокин: А их не все разделяют. Люди, меняющие свое мнение с подвижностью флюгера, могут стать общественным бедствием, но неподсудны; бездушные, не желающие помочь, косно мыслящие могут испортить жизнь — но формально ненаказуемы. Как бороться с этими нравственными (вернее, безнравственными) явлениями? Вот тут-то на помощь приходит смех. Он располагает к откровенности, обезоруживает, очищает. Люди смеются и по сторонам поглядывают: про кого это? Ненароком грешная мысль возникает: может, про меня?

Работая над спектаклем, мы много думали: ради чего бьемся? Чего хотим достичь, высмеивая болтунов и поклонников «легкой любви», спекулянтов и зашоренных ортодоксов? Если у тебя болит душа, когда видишь плохое, если хочешь это плохое искоренить, то сатирическое слово становится твоим оружием. Это не злостью скомброзжанье и не взгляд со стороны: вы посмотрите — а я не при чем, я вроде, на Марсе живу. У подлинной сатиры видна боль — твоя, личная. Недаром сатирики — люди грустные.

Райкин: Мне пока неловко причислять себя к сатирикам, но знаю, что они легко ранимы, остро воспринимают недостатки жизни, ее негативные явления. «Лица» обличены в танцевально-музыкальную, легкую форму, а посвящены серьезным проблемам. Спектакль утверждает: истинная ценность для человека — другой человек; возможность понять друг друга — самая большая радость, никакие другие не сравнятся с ней.

Фокин: Мы говорим обо всем, что мешает найти путь друг к другу, — о вещизме, растлевающем душу, о корыстных отношениях, уродующих людей, хамстве —

неприкрытом и заключенном в корректные рамки... Вспоминаю, как на одной из репетиций Аркадий Исаакович Райкин рассказал: Однажды дотошный зритель его терзал — что вы все о плохом да о плохом, хорошего, что ли, нет ничего?

— Вот вы пришли к врачу, — ответил Райкин, — с кислым лицом: зуб болит. А врач: «Так один же зуб-то! Остальные 31 в порядке». И отправит домой. Что делать будете? Небось, ногами затапаете на такого лекаря? Так вот, сатира то же врачевание: хоть один зуб болит, а лечить надо, а то и вырвать, если он остальные портит.

От человека, чтобы он имел право называться таковым, не так уж много требуется: обладать чувством стыда, уметь воздавать славу сесте, поклоняться бескорыстием и не подавать руки бесчестному.

Райкин: Легко сказать — не так уж много! А как это показать? Как донести до зрителя, без которого театр мертв? Театр — непременно сопереживание, соучастие. Темный зал с невидимыми со сцены лицами дает актеру вдохновение. Но ведь и зритель разный. Есть ленивый, сонный. Не хочет будоражить себя, он пришел отдохнуть, развлечься. Наша задача — заставить его проснуться, заставить работать ум.

Фокин: Я бы сравнил актера с музыкантом, который играет на себе самом. Если он хорошо владеет всеми клавишами и струнами, «инструмент» звучит в полную силу. Партитура спектакля — нервы и эмоции артиста. Вот почему мы уделяем столько внимания технике — мимике, голосу, пластике.

Райкин: Актер — человек ведомый. По отношению к режиссеру он всегда позади, режиссер — главный в работе. Я благодарен тебе за то, что ты принес из драматического театра вкус, чувство формы, ощущение цельности спектакля.

Фокин: Я тоже доволен, что судьба постоянно сводит нас. С эстрадой я теперь связан крепко — хочется поставить классическую пьесу, драму. Почему бы и нет? Открытость эстрадной площадки, праздничность и раскованность формы дают большие возможности для расширения репертуара.

Театр миниатюр переехал из Ленинграда в Москву, получил статус общесоюзного, увеличил труппу, и на его афише вскоре появятся новые постановки.

Райкин: Я бы хотел, чтобы мы и впредь работали вместе. Тема человеческого общения неисчерпаема. Узнать друг друга можно, только тратя себя, проникаясь заботами и болью других, постоянно тормоша и беспокоя собственную душу.

Диалог записала
корреспондент АПН
Е. ЗОНИНА.